

УДК: 94(44)034/035/04

Н. П. Таньшина

**Светотени эпохи Просвещения. Размышления
о книге А. В. Чудинова «Утопии века Просвещения».
М. : Интеграция: Образование и наука, 2017. 94 с.**

83

Представлены рассуждения о книге А. В. Чудинова «Утопии века Просвещения». Анализируя книгу А. В. Чудинова, автор рецензии размышляет о противоречиях и парадоксах эпохи Просвещения: утопические идеалы Просвещения, направленные на достижение всеобщего счастья и благоденствия, на практике зачастую были сопряжены с террором и насилием.

The article focuses on the book "Utopias of the Age of Enlightenment" by A. V. Chudinov. Analyzing this work, the author reflects on the contradictions and paradoxes of the Enlightenment: the utopian ideals of the Enlightenment, aimed at achieving universal happiness and prosperity, in practice were often associated with terror and violence.

Ключевые слова: утопии, эпоха Просвещения, Французская революция.

Keywords: utopias, the Age of Enlightenment, the French Revolution.

Слово «Просвещение» предполагает антоним — «тьма». Просвещение и тьма составляют пару понятий, известных в искусстве пластики и живописи как «светотень» (фр. *clair-obscur*). Свет и тьма парадоксальным образом сочетаются в реалистично-утопичном мировоззрении человека эпохи Просвещения. Этим парадоксам и посвящена одна из новых книг доктора исторических наук, главного редактора международного научного издания «Французский ежегодник» Александра Викторовича Чудинова.

Парадоксы при чтении этой небольшой, 96-страничной книги (книга — это учебное пособие, то есть объем в самый раз для студентов!), проявляются сразу. Приступала к чтению я с бодрым настроением, надеясь получить удовольствие от чего-то вроде «золотой книжечки» Томаса Мора, «столь же полезной, как забавной», зная блестящий стиль изложения, эрудицию и глубокое владение темой А. В. Чудинова. Однако уже с момента рассматривания иллюстраций на обложке, которые являются отличным методическим приемом, мой бодрый настрой куда-то улетучился... Муза Клио в виде статуи, она же — на экране ноутбука. Прекрасный постмодернистский прием, студентам очень понра-

вится! А наверху — совсем небольшие иллюстрации, к которым надо присмотреться: картинки меняются как в кинематическом искусстве Марселя Дюшана, одного из лидеров дадаизма и предтечи постмодернизма. Только тут иллюстративный ряд от мирных пасторальных сцен эволюционирует к сюжету, связанному со штурмом Бастилии, а завершается изображением гильотины: людям показывают только что отрубленную голову. Зачем показывают? Не только для того, чтобы ее увидели, но чтобы ненависть и улюлюканье жестокой толпы стало последним, что узрел в этой жизни казненный: по медицинским представлениям того времени считалось, что отрубленная голова еще какое-то время жила. И после этих иллюстраций название книги — «Утопия» — напечатанное красным цветом, воспринимается не иначе как кровавое...

Следующий парадокс книги состоит в том, что перед нами не просто учебное пособие. Ведь что такое учебное пособие в традиционном понимании? Это материалы для студентов и преподавателей, в принципе, весьма простые и известные (по крайней мере, преподавателям). Учебное пособие А. В. Чудинова — это совершенно иное явление, абсолютно научный и новаторский материал, авторский взгляд на, казалось бы, такую изученную проблему, как европейское Просвещение. Но только на первый взгляд всесторонне изученную, ведь Просвещение, наряду с Возрождением, по-прежнему остается одной из дискуссионных тем. Да, в идеологии Просвещения было много светлого, разумного, оптимистичного, но было и много темного, мрачного.

Порой, когда рассуждают о причинах Французской революции и влиянии идей Просвещения, оправдывая просветителей, говорят следующее: современники Революции читали между строк и видели в умеренных идеях просветителей то, что хотели увидеть, а в условиях радикализации обстановки в стране умеренные и осторожные идеи приобрели соответствующий характер. Об этом писал, например, английский историк Н. Хеншелл: «...люди 1789 года сконструировали собственную революционную идеологию из обрывков идей умеренного Просвещения, и поэтому Монтескьё и Вольтер, увиденные через призму революции, легко могут показаться радикальными мыслителями» [2, с. 88]. В определенной степени было и такое прочтение. Но было и другое: в текстах просветителей-утопистов содержались прямые призывы к крови и насилию. Ведь это только звучало красиво: идеология Просвещения, вера в безграничные возможности человеческого разума, прогресс, а в реальности было сопряжено с потоками крови. Такая точка зрения — это абсолютно новаторский взгляд на Просвещение.

Парадоксы утопии анализируются А. В. Чудиновым весьма последовательно и логично: от утопий века Просвещения, «века несбывшихся надежд» [4, с. 4], по меткому замечанию автора, к реализации утопических проектов на практике в годы нахождения у власти якобинцев и после крушения их режима. Еще один парадокс заключается в том, что завершается повествование К. Марксом и Ф. Энгельсом. Но это только кажется парадоксом...

Книга разбита на семь глав, или тем (счастлирое число!). Первая тема — «Век утопий: некоторые особенности философии Просвещения», сразу обозначает, что в центре внимания автора — идеология Просвещения, а утопические проекты составляют ее важнейшую часть. В этом разделе отмечена важная особенность идеологии Просвещения — принципиально новое мировосприятие, существенно отличающееся от христианского мировидения. На мой взгляд, ответ на вопрос об отношении просветителей к христианству принципиален, поскольку многие из них возомнили себя демиургами, полагая, что человеческому разуму подвластно абсолютно все, вплоть до пересоздания людей. Да и самого человека стали воспринимать иначе, с учетом успехов, достигнутых в области медицины и биологии. А. В. Чудинов приводит яркие цитаты, например высказывание Вольтера, о том, что люди — те же обезьяны, только менее проворные, но такие же смешные и обладающие большим количеством идей [4, с. 17]. То есть это такие смешные обезьяны, поставившие себя на место Бога. Проблема религиозности просветителей до сих пор дискуссионна. Просветители были далеко не так просты, как может показаться на первый взгляд, не все были «стыдливими атеистами» [4, с. 16], то есть деистами, и вообще, вовсе не всегда выносили свою внутреннюю религиозность и тайную философию на всеобщее обозрение [5, с. 310].

Автор использует много цитат, фрагментов текстов, что особенно ценно для учебного пособия, так как это дает и конкретный исторический материал, и возможность понять логику и психологию людей эпохи, а также показывает, что природа человеческая с тех пор несильно изменилась. Например, А. В. Чудинов приводит рассуждения Ламетри о счастье, которые весьма созвучны аналогичным доводам основателя утилитаризма Иеремии Бентама о наслаждении: для Ламетри не так важно, добро или зло становится источником счастья, главное — результат; для Бентама столь же неважно, будет ли источником наслаждения канцелярская кнопка или поэзия. А любовь, по Ламетри, — это и вовсе «всего лишь соприкосновение слизистых оболочек» [4, с. 17].

Гельвеций в качестве награды за добродетель, мужество и таланты предлагал дарить ни много ни мало, а «прекрасную рабыню или наложницу» [4, с. 17]. Как тут не вспомнить критику рабской России со стороны просвещенного Запада! Как не вспомнить французского посла графа Луи-Филиппа де Сегюра, возмущившегося поведением князя Потемкина, когда тот в Крыму между делом предложил подарить ему проходившую мимо женщину, похожую на жену дипломата! А маркиз де Сад, по сути уравнивавший убийство животного и человека, ведь человек — такое же животное? Таким образом, жизнь человека, эта мера всех вещей, абсолютно обесценивается, пока лишь в теории, но совсем скоро так будет и на практике. По этим причинам столь важна проблема, поставленная автором: так ли парадоксален контраст между восходом и закатом столетия, как это виделось современникам? И не было ли трагическое крушение на исходе Века философии предопределено безоглядной верой во всемогущество разума? [4, с. 5].

Тема вторая — «Сходство несхожего: Морелли, Дидро, Дешан». «Сходство несхожего» — это когда утопию одного автора порой могли приписать другому, как произошло, например, с работой Морелли. А. В. Чудинов дает подробный анализ «Кодекса природы» Морелли, что можно трактовать и как успешный методический прием: мягкий, ненавязчивый пример работы с текстом. Какое же общество рисует Морелли? Идеальный порядок, гарантирующий человеку удовлетворение его биологических потребностей, но ценой подчинения тотальной государственной регламентации. «Разум требует, закон предписывает» — такова формула Морелли. Энгельсу в этом чудилась «уже прямо коммунистическая теория» [4, с. 28]. Мне же видится общество, описанное в антиутопиях. Уже здесь автор снимает с философии Просвещения флер романтики, красоты и гармонии. Да, такое несомненно было, но в то же время это были очень жесткие, порой жестокие проекты, которые напрямую вели к кровавой развязке в годы Французской революции.

Книга А. В. Чудинова — это учебное пособие. У Томмазо Кампанеллы в Городе Солнца даже стены — учебные пособия. Работа А. В. Чудинова — не просто рассказ, повествование, а опыт анализа текста, его верификации. Автор блестяще проводит этот анализ на примере истории личности Морелли, долгое время оставшейся неизвестной, приводя, «смелую, и в какой-то степени даже сенсационную гипотезу» [4, с. 32] Бориса Федоровича Поршнева о том, что Морелли — это не кто иной, как философ, монах-бенедиктинец Леодегар-Мари Дешан, создавший работу «Истинная система». Но, проведя сравнительный анализ текстов, А. В. Чудинов приходит к выводу, что концепция Дешана лишь отдаленно напоминает идеи Морелли, а их проекты совершенно общества отличаются кардинально. Так, гипотеза Поршнева не подтвердилась, однако А. В. Чудинов ее использует. Для чего? Чтобы привести пример текстологического анализа. Люсьен Февр, один из основоположников, наряду с Марком Блоком, школы «Анналов», считал, что там, где нет гипотезы и постановки проблемы, есть всего лишь разглагольствования и компиляции. Гипотеза может и не подтвердиться, но это тоже результат.

Третья тема, просто бурлящая парадоксами, — «Парадоксы Руссо». Как справедливо отмечает А. В. Чудинов, жизнь и труды женева философа полны парадоксов, сочетаний несочетаемого. Гипертрофированный натурализм, отрицающий ценность рационального познания вообще, но при этом применение чисто рационалистической аргументации — метод Руссо. Как пишет создатель «Утопий века Просвещения», мечтатель Жан-Жак выдвигает совершенно произвольные гипотезы, не пользуется теми историческими и этнографическими данными, которые уже накопила наука, призывая «отбросить все факты» [4, с. 38]. Руссо придумал умозрительную схему, а якобинцы ее пытались реализовать вовсе не через умозрительные, а через самые настоящие кровь и массовые убийства. Добряк Руссо всего лишь уходил в лес, воображал первобытное общество, переносил свои мысли на бумагу и создал в результате теорию происхождения общества. Причем тео-

рия оказалась весьма пессимистичной, ведь история цивилизации по Руссо — это история нравственного и физического вырождения человека. Это будет посерьезнее, чем у Жозефа де Местра с его теорией вырождения, в которой только часть людей выродилась и превратилась в обезьян, у Руссо же выродились все... Когда у добросердечного мечтателя спрашивали, что делать с людьми, если они не захотят предлагаемого им нового общества справедливости и свободы, он с тихим вздохом отвечал: «Придется заставить их быть свободными» [5, с. 289]. Отечественный исследователь искусства Александр Якимович отмечал: «Понимал ли сам Руссо, какими кошмарами может обернуться стремление «заставить» людей быть свободными, сделать их счастливыми, насильственно установить справедливость?» [5, с. 289].

В качестве иллюстраций на страницах, посвященных Руссо, мы видим прекрасные полотна Буше, Ватто — блаженство жизни на лоне природы, и читаем жуткие вещи о неограниченном праве суверена распоряжаться жизнью граждан, то есть наблюдаем иллюстрации на тему: «Праздник жизни и его цена». Государство создает безопасность для индивида, но цена такой безопасности — риск: при определенных обстоятельствах эта жизнь может потребоваться суверену [4, с. 41]. Это уже страшнее «Левиафана» Т. Гоббса: «Государству необходимо, чтобы ты умер» [4, с. 42]. Так, жизнь человека — это дар, полученный от государства. Какие уж тут естественные права человека: все от государства...

Власть государства безгранична, она распространяется в том числе на сферу морали: «Самая неограниченная власть — это та, которая проникает в само нутро человека и оказывает не меньшее влияние на его волю, чем на его поступки» [4, с. 43]. И рядом с такими словами — иллюстрации картин Ланкре «На природе» и «Танцы у фонтана». Пройдет немного времени, и французы будут плясать кровавую «Кармальолу», а абстрактные парадоксы Руссо обретут плоть и кровь в мрачную годину Великого террора.

Большинство создателей утопических проектов, как справедливо отмечает А.В. Чудинов, вовсе не собирались их сразу воплощать в жизнь. Тот же Руссо признавал, что установить справедливый социальный строй крайне нелегко, так как для этого требуется совпадение целого ряда благоприятных факторов [4, с. 48]. Кроме того, большинство просветителей были противниками насильственного преобразования общества. Большинство, но не все, как, например, Жан Мелье. Мрачной фигуре Мелье посвящена четвертая тема — «Утопия и реальность: пророчество Мелье». Исследователь считает, что Мелье, этот скромный священник, ощущал себя неким мистическим героем, бросающим вызов небесам [4, с. 52]. Автор не нагнетает страха, а просто приводит цитату из начала «Завещания» Мелье: надо, чтобы «все сильные мира и знатные господа были перевешаны и удушены петлями из кишок священников» [4, с. 56]. А мы-то знаем, как разъяренная толпа перед Версалем грозила сделать кокарды из кишок королевы Марии-Антуанетты («В толпе раздавались крики: “Смерть королеве! Долой австриячку! Мы хотим сердце королевы! Мы поджарим ее печенку, мы сделаем кокарды из ее кишок...”») [3, с. 74]. Таким образом, эта жестокая утопия нашла

буквальное воплощение. И вряд ли те люди у ворот Версаля читали Мелье. В учебниках часто отзываются о Мелье сухо: сторонник насилия и все. Но когда читаешь эти строки и знаешь дальнейший ход событий — берет оторопь. Конечно, призыв к жесточайшему насилию Мелье большинство просветителей не разделяло, а вот его антирелигиозный пафос оказался близок весьма многим. Однако А. В. Чудинов указывает, что просветители, закрывая глаза на призывы Мелье к ниспровержению социальных устоев, возможно, сами того не желая, приближали время, когда пугавшие их идеи мятежного кюре начнут реализовываться на практике. Кстати, иллюстрации к этому разделу соответствующие: Равальяк, убийца Генриха IV, и Клеман, убийца Генриха III. Именно с них Мелье призывал брать пример. Только масштабы убийств несколько больше...

Французская революция пробудила надежду на скорое установление «разумного строя» [4, с. 58]. Революция, поскольку никто не мог ее предвидеть и тем более оценить ее размах и последствия, ликвидировала непреодолимый прежде разрыв между тем, что есть, и тем, что могло бы быть. Отсюда один шаг до мысли: то, что могло бы быть, может и должно случиться [4, с. 58]. Поэтому в годы Революции появляется целый ряд утопических проектов о том, как реализовавшуюся утопию развивать дальше — утопия в квадрате. И одному из таких проектов посвящена пятая тема: «Утописты и Революция: прекрасные мечты Годвина». Стоит отметить, что совмещение в масштабе небольшой по объему книги известных имен, но прочитанных по-новому, и имен, знакомых гораздо меньше широкому читателю, — большая заслуга автора. Слава труда английского мыслителя Уильяма Годвина (1756—1836) «Исследование о политической справедливости» надолго пережила своего создателя: спустя много лет Петр Кропоткин называл его своим первым предшественником. Годвин — пастор, начитавшийся работ просветителей, уехавший в Лондон и занявшийся литературой. Он, надеясь, что революционное правительство Франции прислушается к его идеям, отправил в апреле 1793 г. свой трактат в дар Конвенту. Но, как метко заметил автор, «во Франции хватало и своих утопистов» [4, с. 69], о которых речь идет в теме шестой — «Царство добродетели: робеспьеристы у власти».

В период Революционного правления 1793—1794 гг. во Франции была предпринята попытка создания идеального общества в соответствии с принципами Руссо. В этом разделе исследователь выходит на очень важную проблему о природе якобинского террора: являлся ли он следствием обстоятельств или вытекал из самой логики руссоистско-робеспьеровской мысли? Сторонники «концепции обстоятельств», по мнению А. В. Чудинова, правы в том, что примерно первые полгода пребывания у власти политика робеспьеристов действительно определялась прежде всего текущей ситуацией. Тот же Сен-Жюст говорил: «Сила вещей ведет нас, быть может, к результатам, о которых мы и не помышляли» [4, с. 72]. Однако к концу 1793 г. пресс сиюминутных обстоятельств заметно ослаб, и именно тогда Робеспьер и его сторонники почувствовали, что имеют достаточно возможностей для осуществления своего идеала [4, с. 73].

О сути этого идеально-страшного общества можно судить по выступлениям Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона. Очередной парадокс: вслед за Руссо террористы-робеспьеристы именно в морали видели универсальный регулятор социальных отношений. Набор добродетелей «истинного республиканца» [4, с. 75], как и у Руссо, составлен робеспьеристами чисто умозрительно, на основе идеализированных представлений об античных государствах: Спарты и раннего Рима. Добродетели нельзя научиться, это врожденное качество бедного люда. Однако при решении конкретных вопросов оказывалось, что этический идеал робеспьеристов вступает в противоречие с реальными интересами практически всех сколько-нибудь значимых слоев французского общества, и в реальной жизни находилось немного желающих следовать абстрактным нормам «естественной морали» [4, с. 76]. А причина тому, что люди — вовсе не такие, какими их представляли утописты (показателен пример А.В. Чудинова с термином «крестьяне»: робеспьеристы не делили крестьян ни на какие категории, поскольку смутно представляли, что происходило в деревне). А почему люди не такие? Да все дело в «нравственной испорченности» [4, с. 81] некоторой части населения и в происках контрреволюции. Значит средство разрешения противоречий между Добродетелью и Пороком — террор. Логика железная, как у Руссо. И робеспьеристы, следуя за мягким и тихим женеvским мечтателем, хотели заставить людей быть свободными и пошли еще дальше: «Речь идет не столько о том, чтобы наказать их, сколько о том, чтобы уничтожить» [4, с. 82]. И гильотина при них не простаивала... Но в итоге робеспьеристы сами попали под ее нож, а утопические проекты продолжали рождаться. Об этом речь идет в седьмой теме — «Эстафета веков: “заговор равных”». Якобинский террор закончился, но страна уже была «отравлена насилием» [4, с. 84]. А это означало новые смерти и новый террор, особенно в тех департаментах, где ранее террор был особенно жесток. Французы привыкли к виду крови, дети в отсутствие гильотины обезглавливали кошек, собак и кур [1, с. 112]. Повлияли также возникшие сложности в экономике. В результате парижская толпа через полгода после казни Робеспьера требовала: «При Робеспьере лилась кровь, но был хлеб, сейчас кровь не льется и хлеба нет. Значит, чтобы был хлеб, нужно лить кровь» [4, с. 85]. Какая ужасная логика!

В этой обстановке и зародилось первое революционное коммунистическое движение во главе с Гракхом Бабёфом, мелким клерком из Пикардии. Его план предусматривал решительную перекройку всех сфер социальной жизни, вплоть до прямого вмешательства государства в духовный мир каждого человека. Современных же носителей высшей власти необходимо было уничтожить. Тем более что деятельность Робеспьера дала наглядный пример того, как при помощи насилия воплотить в жизнь умозрительную схему. Однако заговор, как известно, был раскрыт: в мае 1797 г. Бабёф и Дарте по приговору суда были казнены.

Однако дело утопии продолжало жить, отсюда и название этой главы — «Эстафета веков». Эстафетную палочку подхватили Анри Сен-Симон, Огюст Бланки, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, утописты уже XIX в., чьи портреты мы видим на последних страницах книги. Как

отмечает А. В. Чудинов, «подобное генетическое единство едва ли должно нас удивлять» [4, с. 93]. Социалистические и коммунистические учения XIX столетия имели общую мировоззренческую основу: унаследованную от философии Просвещения веру в возможность создания на земле совершенного социального строя в соответствии с теоретически разработанной схемой» [4, с. 93].

Итак, свет и тьма Просвещения и его утопий. Просветители, создавая утопические проекты и проповедуя добродетель и разум, порой хотели заставить людей быть свободными. Можно сказать, у просветителей было две философии: один слой – это философия для всех, утопические планы светлого будущего, похвалы разуму и морали; другой слой – это философия для себя, в контексте которой они были жесткими реалистами и прагматиками, прекрасно понимали, что если чего-то и можно добиться в реальном обществе, то только опираясь на пороки и недостатки людей, а не на их добродетели. Вот об этом эта книга-предостережение. Напоминание о том, насколько опасны могут быть подобные социальные проекты, зачастую реализуемые фанатиками, может быть, искренне стремящимися построить общество всеобщего счастья, но для которых жизнь одного человека и сотен тысяч людей – ничто. Ведь это все ради их же блага... Просто государству, как Левиафану, однажды могут понадобиться их жизни...

Список литературы

1. Таньшина Н. П. Граф Ж.-Ж. де Селлон: от Женевского Общества мира к Организации Объединенных Наций // Вестник РГГУ. Сер.: Исторические науки. Всеобщая история. 2014. №13 (135). С. 111–119.
2. Хеншелл Н. Миф абсолютизма / пер. с англ. А. А. Паламарчук, Л. Л. Царук, Ю. А. Малахова. СПб., 2003.
3. Черкасов П. П. Генерал Лафайет. Исторический портрет. М., 1987.
4. Чудинов А. В. Утопии века Просвещения. М., 2017.
5. Якимович А. Новое время. Искусство и культура XVII–XVIII веков. СПб., 2004.

Об авторе

Наталья Петровна Таньшина – д-р ист. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия.

E-mail: nata.tanshina@mail.ru

The author

Prof. Nataliya Tanchina, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.

E-mail: nata.tanshina@mail.ru